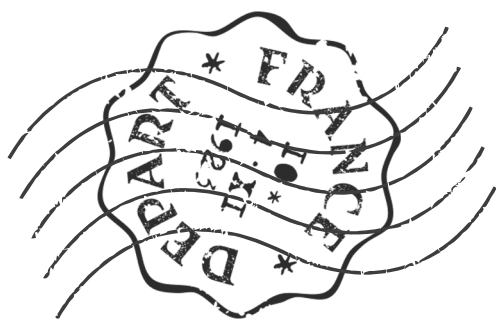


ДЕТЕКТИВ ПУТЕШЕСТВИЕ



Читайте
остросюжетные романы
НАТАЛЬИ ЛЕБЕДЕВОЙ
в серии
«Детектив-путешествие»:

Остров сирен
Мечь Ночного Никто
Ожерелье из золотых пчел
Нежная ночь Ривьеры

НАТАЛЬЯ ЛЕБЕДЕВА



НЕЖНАЯ НОЧЬ РИВЬЕРЫ



Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ЛЗЗ

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыкиной*

ЛЗЗ

Лебедева, Наталья.

Нежная ночь Ривьеры / Наталья Лебедева. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202288-3

Две подруги — журналистка Маша и врач Лена — приезжают на Лазурный Берег. Они собираются отпраздновать Ленин день рождения в отеле, где жил их любимый писатель Скотт Фицджеральд. Но во время ужина они неожиданно оказываются свидетелями кражи старинного колье, которое носила еще жена писателя. А потом вовлекаются в опасный круговорот охоты банды «Розовая пантера» за мистическим алмазом...

90 лет назад здесь, на Французской Ривьере, бушевали совсем другие страсти: любовь, ревность, соперничество Хемингуэя и Фицджеральда. Все это превращало жизнь кружка знаменитостей, который собирали у себя богатые меценаты Мэрфи, в яркий фейерверк...

И все же два таких разных времени оказались связаны одной тайной — исчезновением алмаза, принадлежавшего еще Марии-Антуанетте. Кто его отыщет и какой ценой?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-202288-3

© Лебедева Н., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

«Дорогая Сара! Я ни разу не поблагодарил вас за то, чем вы были: такой верной и такой притягательной, с тех самых пор... с самого начала и всегда... Я люблю вас и буду любить всегда. И вы всегда рассчитывайте на это».

Осип Манделштам

«Сара, дорогая! В отличие от Эрнеста, я считаю, что каждый литературный образ создается из дюжины реальных людей. Но, в опровержение собственной теории, в «Ночи...» я снова и снова использовал вас... и тот эффект, который вы производите на мужчин. И я надеюсь, что... вы отдадите мне во владение тот маленький уголок себя, который я знаю лучше всех, даже лучше Джеральда... О чем я хотел написать вам? Наверное, о том, что выразил Кол Портер в своей красноречивой песенке: «Я думаю, это объяснит тебе, какая ты замечательная».

Френсис Скотт Фицджеральд из письма Саре Мерфи

«Золотая чаша разбита, но она была золотой!».

*Френсис Скотт Фицджеральд
из письма Джеральду Мэрфи*



Лазурный Берег, 2013 год

Такси встало в пробке намертво. Но мы с подружкой Машкой, глядя в открытое окно, лишь идиотически улыбались. Все-таки эта пробка не где-нибудь, а на Английской набережной Ривьеры.

Породистые машины уткнулись носами друг в друга прямо над синим морем, в которое радостно било лучами солнце. Загорелые прохожие шли мимо нас в шортах и майках. Даже не шли — прогуливались. Пальмы лениво обмахивались разлапистыми листьями, как веерами. После дождей и слякоти, из которых мы только что вырвались, Лазурный Берег казался другой планетой. И мы будем жить на ней целых десять дней!

— Смотри, смотри! — Машка дернула меня за рукав ненужной здесь ветровки.

Нас нагоняла странная процессия. Человек тридцать молодых людей в причудливых костюмах: девушки в бумажных платьях фей и кикимор, парни в цилиндрах и фраках, нелепо свисающих над шортами, — все хохотали и приплясывали. Самодеятельный оркестрик наяривал джаз. А четверо мускулистых, голых по пояс атлетов торжественно тащили носилки с восседающей на них гигантской куклой из папье-маше, похожей на нашу Масленицу. Впереди шагал вдохновенный парень в мушкетерском берете, умудряясь одновременно дуть в саксофон и дирижировать карнавальная процессией. Одно время мы двигались с веселой компашкой вровень, потом машины опять встали, а гогочущая толпа решила переходить улицу. Невысокий, квадратный здоровяк с кудрявой золотой бородой уперся в бампер нашего такси. Сделал вид, что это он затормозил его своим весом. И, подмигнув нам и водителю, закричал своим: «Друзья, идите, я их задержу!»

– Похоже, здесь эпоха джаза так и не закончилась! – вздохнула Машка.

– Вот бы потусоваться с этой компанией!

Но смотрела она только на голубоглазого саксофониста, который дурачился, пританцовывая, на другой стороне улицы. Заводили всегда были ее слабостью.

Кто-то в конце процессии выпустил связку воздушных шаров, и они, вырвавшись на свободу, устремились в небо нарядным букетом, не подозревая, что скоро лопнут.

Как там сказал Конфуций: «Бойтесь своих желаний. Они имеют обыкновение сбываться».

Знакомство с Буниным

Через полчаса мы с Машкой входили в отель «Бель Ривес» в городке Жуан-ле-Пен. Я даже немного оробела, открывая массивную дверь. Слишком долго мечтала сюда попасть.

Ведь именно на этой вилле почти сто лет назад жил наш любимый писатель Френсис Скотт Фицджеральд, где-то тут находится пляж, который он описал в обожаемом нами романе «Ночь нежна».

Здесь клубились самые невероятные вечеринки, искрилась шампанским та самая эпоха джаза, тусовались знаменитости: Хемингуэй, Пикассо. А теперь будем и мы.

Путеводители обещали, что внутри до сих пор гуляют сквознячки тех далеких времен.

Но они ошиблись: за дверью витал аромат вполне сегодняшней роскоши. В огромные, до пола, окна било солнце, гостиная походила на выставочный зал современной галереи, а элегантные диваны сверкали такой снежной белизной, что на них страшно было присесть. Единственное, что выбивалось из атмосферы дорогого праздника, – верещанье колокольчикового голоса, канючившего что-то по-французски.

Миниатюрная девушка с нежным акварельным лицом, будто сошедшая с портрета Брюллова – тоненькие черные





бровки, фиалковые глаза, милые каштановые кудряшки, — тыкала в седовласого портье беспородную собачонку, такую лохматую, что не разберешь, где у нее голова, где хвост. Портье отрицательно качал головой.

— Смотри, и в Европах собак дискриминируют! А на сайте отеля написано, что пускают с животными, — хмыкнула Машка, уверенная, что никто, кроме меня, ее не поймет.

— Вот именно! — неожиданно повернулась к нам акварельная девушка. — Пипец! Поселиться с собакой у них можно, а в ресторан нельзя. Что же мне делать, если Бунин один дома съестся?!

И она, развернувшись, опять перешла на нежное французское щебетанье, ткнув собакой прямо портье в лицо. Из клубка коричневой шерсти высунулась оскаленная пасть и клацнула зубами в сантиметре от благородного носа служителя отеля.

Я поняла, что эта битва девушкой проиграна.

— Вы тоже на заседание клуба фанатов Зельды? — спросила она, когда портье взял у нас с Машкой паспорта. — Я, кстати, Катя.

— Это, кстати, Лена, я, кстати, Маша, — улыбнулась моя подруга. — А что за клуб?

— Я думала, вы из этих... Феминисток. У них тут банкет. Сегодня же день рождения Зельды Фицджеральд.

— Вообще-то сегодня мой день рождения, — сказала я. — И мы приехали отметить именно это печальное событие. Не каждый год тебе стучает 30 лет.

На эту поездку я копила деньги с прошлого лета. Так случилось, что мужчины, который повез бы меня заливать горе старения в лучшее место на земле, не нашлось. К этой дате в моем любовном анамнезе врача-аллерголога элитной поликлиники Москвы значился лишь один хронический женатик — заведующий нашим отделением. А в июне он традиционно возит жену в Венгрию — обмазываться грязями. Так что компанию мне смогла составить только незамужняя журналистка Машка, с которой мы дружим с детства. У нее, в отличие от меня,

личная жизнь всегда находится в острой стадии и скачет, как кривая кардиограммы. Сейчас она находилась на низшей точке: Машка только что застала своего кавалера за перепиской в Тиндере сразу с двумя девицами.

– Не знала, что родилась в один день с женой моего любимого писателя, – сказала я Кате, получив ключ. – Только мы не ее фанаты.

– Да уж! – взъерошилась Машка. – Нарочно спаивала мужа, чтобы тот ничего не писал!

– Это на нее Хемингуэй наклепздонил. А так все они тут жрали виски, как не в себя! – начала акварельная Катя. Но пес в ее руках заперевирал лапами, выскользнул на пол и побежал задницей вперед – ну, то есть, я так решила, потому что не угадала, где у него голова. Катя ласточкой бросилась вслед за ним под изящный столик, на котором, к ужасу портье, закачалась расписанная драконами антикварная ваза. Ухватила пса в прыжке и вытянула за лапы, бурча под нос:

– Вот не фиг было Бунина злить!

– Чем вам так насолил великий русский писатель? – не сдержалась я.

– А что такого? Характеры у них похожи. Буня такой же нервный, людей не терпит, на всех кидается. А душа нежная, ранимая.

Из зарослей шерсти на меня глянул хитрющий желтый глаз.

– И потом, пусть народ видит, что его хозяйка – не хрен собачий, а работник пера.

– Ты журналистка? – заинтересовалась Машка. Она всегда была расположена к коллегам по профессии. Хотя по независящим от нее причинам и была вынуждена перейти из лучших расследователей одной из популярных российских газет в пиарщицы.

– Блогер. Еще в местную русскую газетенку статейки пописываю. Вообще-то я экономист. Но на Ривьере экономисты нужны только для увода бабла от налогов. Но я была хренова отличница, правила выучила, а как их





обходить — нет. Вот, ловлю местные сенсации. Тут сегодня на заседании будет сюрприз.

В этот момент дверь отеля открылась, и в нее ввалилась высокая, полнотелая, мощная, как борец-тяжеловес, дама — она излучала такой силы энергию, будто вместе с ней в отель занесли небольшую электростанцию.

— О! Ирусик! — бросилась к женщине Катя. — Скажи этому, — кивнула она на портье. — Он меня с Бунинным на заседание не пускает!

— Счас порешаем! — розовошекая Ирусик, рассекая воздух, с грацией круизного лайнера пришвартовалась к стойке и улыбнулась седовласому красавцу. Тот расплылся в ответ, но, услышав про Катю и пса, посуровел.

— Он говорит, твой Буня в этом ресторане кого-то покусал, — повернулась она к Кате.

— Старушенция сама виновата! Бунин лежал себе тихо под столом, нет, надо переться его гладить! А он не терпит амикошонства!

— Тогда я — пас! — пожалала мощными плечами Ирусик. И кивнула на нас с Машкой.

— Это кто?

— Да так. Здешние постояльцы.

— Ну оставь его у них в номере.

В глазах Кати вспыхнула надежда.

— Правда, девочки! Вы же сейчас заселитесь. Может, Буня у вас часика два посидит?

— Ты ж говоришь, он съется? — прищурилась Машка.

— А мы его в ванной запрем.

— Что ж ты дома его в ванной не запрешь?

— Ну... — замялась Катя. — Дело в том... Буня еще и воет. Когда остается один. А соседи — сволочи! — накатали на меня жалобу в полицию. Я на одной вечеринке немного задержалась. До трех утра. Так они — вот гады! — уже хотели у меня дверь сломать. Мол, там мучают животное. Короче, квартирная хозяйка сказала: еще одна жалоба, она нас с Буней выселит и залог не отдаст.

— А если он у нас в номере выть начнет?

– Не начнет! Я дам ему кость из жилы. Через часик сбегая и еще одну дам. Дома-то я ему сразу много костей оставить не могу – у Буника желудок слабый, еще будет заворот кишок!

Я вздохнула.

В этом дорогом отеле я мечтала погрузиться в атмосферу изысканного аристократизма, а не в проблемы Буниного желудка. Но акварельная Катя смотрела так умоляюще, что Машка не выдержала:

– Ладно. Только лужу сама будешь вытирать.

– Я уберу! Все-все уберу! – придурковато зачастила Катя. – Хотите, присоединяйтесь к нам за ужином! Как раз две участницы не приехали. Правда же, Ирусик?

Та окинула нас оценивающим взглядом:

– Они хоть знают, кто такая Зельда?

– Конечно! – Катя выпучила честные глаза. – Они фанаты Фицджеральдов! Правда, не уверены, что семантически произведения Зельды совпадают с морфологемами Скотта, но это же как раз предмет нашей дискуссии!

И прошипела мне в самое ухо:

– Хоть пожрете на халяву!

Я еще раз удивилась, как уживаются в одной девушке два таких разных человека. И покачала головой:

– Нет, спасибо, у нас уже заказан столик. Хотим посидеть тихо.

День рождения – грустный праздник

Тихо посидеть не удастся — это я поняла сразу. Номер у нас с Машкой оказался роскошный, но небольшой. Размером с комнатку куклы Барби: одна кровать, две испуганно вжавшиеся в стену старинные тумбочки, балкончик, прилепившийся, как ласточкино гнездо. И пока мы с Машкой, сталкиваясь лбами, одевались в темпе казарменного подъема, Катя трещала без умолку. Первый раз в жизни я видела человека, который говорил больше моей подруги.





— Ирусик тут в клубе главная. Председательша. О-очень богатая тетка. Продает недвижку только миллиардерам. Голодранцев с парой миллиончиков посылает лесом. Мужиков ненавидит — муж ее по-свински бросил. Теперь вымещает зло на остальных. Завела себе самого дорогого на побережье проститута Лоренцо. И борется за права женщин. В основном по ресторанам и туснякам.

Вокруг нее вьюном вьется Нинель. Это она так себя называет. На самом деле — Нина Петровна Гусь. Она и правда на гусыню похожа. Тоже богатая тетка, но разбогатела недавно. Ей как раз с мужем повезло. Сначала этот дурачок на ней в юности женился, потом, как говорят, наворовал охрененное состояние и свалил во Францию, а сейчас очень удачно помер. Перед самым разводом. Теперь счастливая вдова приехала вступать в права наследства и рвется в сливки местного общества. Откопала где-то на университетской помойке малахольного доцента Павлика, чтобы он нас культурно окормлял. И везде с ним таскается. Еще Длинный на заседание припрется. Он всегда приходит, если можно выпить на хляву. Вообще-то он арт-дилер, но не удивлюсь, если приставка «арт-» окажется лишней. Об остальных потом расскажу, когда познакомитесь! — тараторила Катя, засовывая Буника вместе с костью в ванную из каррарского мрамора.

Я понадеялась, что нам удастся увильнуть и от этого увлекательного повествования, и от знакомства. А зря.

Когда мы спустились в ресторан, то в центре парадного белого зала, беспорядочно утыканного колоннами, стоял круглый стол, во главе которого восседала Ирусик. Рядом притулился крошечный столик на двоих. Все остальные места роскошной ресторации были заняты.

— Отлично, мы будем рядом! — обрадовалась Катя и понеслась к своим. А к нам припорхнул разряженный во фрак официант и, узнав мое имя, усадил нас в тени царственной Председательши и спиной к спине с уже плюхнувшейся на стул Катей. Председательша как раз поднялась и громогласно возвестила:

– Так, перестали жевать! Слушаем меня! Сегодня мы пьем за день рождения талантливой женщины, у которой муж с говорящим именем Скотт украл дневники и идеи, заперев ее в психушку! – Ирусик подняла бокал с шампанским.

– Господи! И здесь нет покоя от идиотов! – закатила глаза Машка. Вообще сегодня она была на редкость тиха и задумчива, я даже забеспокоилась: не влюбилась ли в кого? Это единственная причина, по которой моя подруга на время замирает, как тигрица перед броском. Но тут бросаться было не на кого.

За столом фанатов Зельды царило гендерное уныние. Гусыню мы узнали сразу: по длинной гордо вскинутой шее, перископом высывающейся из дорогого черного пиджака. Маленькая головка с короткой стрижкой, быстрые карие глаза. На вид ей было лет сорок пять, но время в эпоху пластической хирургии – категория еще более относительная, чем предполагал Эйнштейн. Рядом с Нинель мял салфетку замухрыжистого вида очкарик, похожий на червячка: бесцветное лицо с плохо прорисованными чертами, белесые волосики, узкие плечи. Явно тот самый доцент Павлик. А вот справа от Ирусика возвышался древнегреческий бог. Так я их, по крайней мере, представляла. Плечистый буйнокудрый красавец Лоренцо с томными черными глазами; белая не застегнутая рубашка обнажала мускулистую грудь. Увы, жиголо – не наш с Машкой контингент.

Арт-дилер Длинный оказался высоким блондином с пастозным лицом и большим, печально тянущим голову вниз красноватым носом. Между ним и Нинель стул пустовал, но недолго: к столу, чеканя шаг, подошла очень высокая, мосластая, похожая на волейболистку девица с ярко-зелеными крыжовенными глазами и огромными призывными леденцово-розовыми губами. На руках у волейболистки сидела очаровательная крошечная белая собачка с хитренькой мордочкой и чем-то покрашенным нежно-розовым ухом – почти под цвет губ хозяйки.





— Алиса, как тебя пустили сюда с псом? — обрушилась на нее Катя.

— Это не пес! Это ангел! — небрежно ответила волейболистка, плюхаясь на стул.

— Безобразие! Расовая дискриминация! — обернулась к нам Катя, ища союзников. — То есть аристократическим болонкам Бишон фризе в ресторан можно, а двортерьярам — нельзя?

— По крайней мере, моя Зефирка не кусает посетителей! — отрезала Алиса, смерив нас оценивающим взглядом. И невежливо спросила:

— Это кто?

— Мои подруги из Москвы, Лена и Маша.

— Чем занимаетесь? — продолжила она допрос.

— Пиаром разного говна. Вам не нужно? — пошла в атаку Машка.

— Моя картинная галерея в пиаре не нуждается! — процедила Алиса и потеряла к нам всякий интерес.

Катя, наклонившись к моему уху, прошептала:

— Ага, как же! Без пиара кто бы это покупал! У нее там одни каляки-маляки и ржавые железки. Русский авангард здесь любят, но Кандинского на всех не хватает. Вот я и помогаю ей утилизировать мусор по богатым виллам.

Катю прервал доцент Павлик. Он поднялся из-за стола и неожиданно бойко начал витийствовать:

— Дамы и господа! Наконец это свершилось! Наш клуб положит конец многолетней дискриминации. Всем известно, что Фицджеральд беззастенчиво пользовался сюжетами, придуманными Зельдой, ее словечками, остротами. Публиковал написанные ею рассказы под своим именем. Сделал все, чтобы созданный ею роман про те же события, что и его «Ночь нежна», не увидел свет, а когда это не удалось, взялся его безжалостно редактировать. Зато почти без изменений вставил в свой роман украденные у жены дневники и письма, которые она писала ему из клиники. Зельда говорила, что для «господина Фицджеральда плагиат начинается прямо дома»... И сегодня мы благодаря помощи Влада Николаевича — жаль, что он опаздывает —